

A black and white illustration of a mountain range. The mountains are depicted with soft, layered shading, creating a sense of depth and atmosphere. The foreground shows dark, silhouetted ridges with small evergreen trees. The middle ground features more rounded, misty mountain peaks. The background consists of lighter, more ethereal mountain ranges fading into a bright, hazy sky. The overall style is painterly and atmospheric. The title 'ПОГОНЩИК' is written in large, bold, white Cyrillic letters across the lower portion of the image, partially overlapping the dark mountain ridges.

ПОГОНЩИК

Саша Ардаша

Погонщик

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Погонщик / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Что, если история Афганской войны развивалась совсем иначе? Советский разведчик получает задание, от которого зависит не только исход войны, но и безопасность будущих поколений. Под чужим именем он внедряется в самое сердце Тора-Боры — неприступной крепости, где рождаются планы международного терроризма. Год за годом, рискуя жизнью, он становится своим среди тех, кого весь мир позже назовет врагами.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Погонщик

Глава 1

Халява, приходи! Крик был таким громким, что даже вороны на старом тополе возле общежития взлетели. Несколько студентов, высунувшись из окон, дружно поддерживали: Халява, приходи! Из открытой форточкой высунулась зачетка на веревочке. Ее торжественно потрясли над головой. Теперь точно сдам... Парень довольно улыбнулся и захлопнул окно. Я открыл глаза. Темно. Тесно. Болела голова так, словно по ней ударили прикладом АКМ. Последнее, что я помнил... Горы. Ночь. Засада. Я полковник военной разведки. Тридцать лет службы. Афганистан, Чечня, Сирия, десятки операций, о которых никогда не напишут в газетах. Мы выходили из ущелья после выполнения задачи. Потом... Вспышка. Взрыв. И тишина. Я умер. Другого объяснения не существовало. Я сел на кровати. Нет... Не моей. Комната общежития. Две железные кровати. Плакаты с группой «Кино». На столе раскрытый учебник по сопромату. Стопка конспектов. Пепельница. Пустые бутылки из-под портвейна. Запах дешевых сигарет. На стене висел календарь. 1986 год. Вот это номер... Я подошел к зеркалу. На меня смотрел худощавый парень лет девятнадцати. Черные волосы. Ни единой морщины. Глаза совершенно чужие. В этот момент голову будто пронзила раскаленная игла. Перед глазами промелькнули воспоминания. Алексей Воронов. Студент второго курса машиностроительного института. Любитель вечеринок. Любитель девчонок. Учебу считал досадной помехой. Любимый способ подготовки к экзамену? Никакой. Перед каждым экзаменом ночью открыть окно и закричать: Халява, приходи! А утром надеяться на чудо. Сегодня экзамен. Последний шанс закрыть сессию. Иначе... Отчисление. А после отчисления... Армия. Я усмехнулся. Ну и идиот... Надеяться на мистическую халяву вместо того, чтобы открыть учебник. Через два часа я уже сидел в аудитории. Билет оказался несложным. Для бывшего разведчика. Математика всегда была другом офицера. Баллистика. Навигация. Расчет траекторий. Логистика. Я спокойно исписал несколько листов. Преподаватель удивленно посмотрел поверх очков. Воронов... Это вы сами писали? Сам. Странно... Обычно вы двух слов связать не можете. Он уже поставил в зачетку четверку, когда дверь аудитории распахнулась. Вошел военный. Следом еще двое. За ними представитель деканата. Кто здесь Воронов Алексей Сергеевич? Я. Военный раскрыл папку. Согласно приказу районного военного комиссариата вы подлежите немедленной отправке на сборный пункт. Но у меня экзамены... Закончились. Я студент. Уже нет. Представитель деканата виновато отвел глаза. Алексей... Приказ об отчислении подписан сегодня утром. Через трое суток эшелон уже уходил на юг. Старослужащие переговаривались шепотом. Говорят, в ТуркВО... Нет... В Кушку... Оттуда только одна дорога... В Афган... Я молча смотрел в окно. Если сейчас действительно июнь 1986 года... То впереди меня ждала война. Только теперь я знаю о ней гораздо больше, чем любой генерал этого времени. И, возможно... Историю еще можно изменить. Душный июньский воздух дрожал над раскаленным асфальтом. Старый автобус, набитый такими же растерянными парнями, как и я, остановился у серого трехэтажного здания районного военкомата. Двери с шипением открылись, и на ступеньках появился сержант. Приехали! Выходим быстро! Не задерживаемся! Я поднялся первым, но тут же одернул себя. За долгие годы службы привычка действовать быстрее остальных въелась в кровь. Командир всегда выходит первым, если ведет людей, и последним, если прикрывает отход. Но сейчас я был не полковником военной разведки, а девятнадцатилетним студентом, которого только что забрали прямо с экзамена. Лишнее внимание мне было совершенно ни к чему. Во дворе военкомата уже стояли десятки призывников. Кто-то нервно курил, кто-то громко смеялся, стараясь скрыть страх, кто-то сидел на своей сумке и молча смотрел в землю. Неподалеку парень, отвернувшись к забору, украдкой вытирал глаза. Мать одна осталась... услышал я его

тихий голос. Я отвернулся. Когда тебе девятнадцать, кажется, что армия это конец привычной жизни. Когда за плечами десятки лет службы, войны, потери товарищей и бесчисленные командировки, понимаешь, что настоящие испытания еще впереди. Нас быстро загнали в здание и начали оформлять документы. За длинным столом сидел прапорщик с усталым лицом. Не поднимая головы, он выкрикивал фамилии. Воронов! Я. Имя? Алексей. Год рождения? На мгновение я едва не назвал свой настоящий год рождения. Вовремя спохватившись, спокойно ответил: Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой. Прапорщик внимательно посмотрел на меня. Задумался? Почти не спал перед экзаменом. В армии выплывайся. Я только кивнул. Спорить было бессмысленно. Медицинская комиссия оказалась формальностью. Один врач проверял зрение, другой слушал сердце, третий задавал обязательный вопрос о жалобах. На каждого призывника уходило не больше минуты. Жалобы есть? Нет. Следующий. Хронические заболевания? Нет. Следующий. Я невольно сравнивал увиденное с медицинскими обследованиями, которые проходил уже в свое время. Там изучали каждую мелочь, проводили десятки анализов, проверяли организм вдоль и поперек. Здесь же стране требовались солдаты, а не идеальные медицинские карты. Особенно в 1986 году, когда война в Афганистане продолжалась уже седьмой год и потребность в пополнении оставалась высокой. После комиссии нас построили во дворе. Военком, полный полковник с несколькими рядами орденских планок, долго говорил о воинском долге, защите социалистической Родины и высокой чести советского солдата. Остальные слушали молча, а я мысленно находился уже совсем в другом месте. Июнь 1986 года. До вывода советских войск оставалось почти три года. Самые тяжелые месяцы войны были еще впереди. Караваны с оружием продолжали идти через Пакистан, душманы становились все лучше вооружены, а вскоре на поле боя появится оружие, которое серьезно осложнит действия советской авиации. Я знал слишком много. Знал, какие дороги считались смертельно опасными, какие перевалы регулярно превращались в ловушки, какие полевые командиры позже станут легендами сопротивления. Но эти знания пока были бесполезны. Попробуй расскажи кому-нибудь, что знаешь будущее, и вместо разведки окажешься в психиатрической больнице или под пристальным вниманием особистов. Воронов! Я вышел из строя. Получить имущество! В длинном помещении вдоль стен стояли столы, на которых аккуратными стопками лежало обмундирование. Старшина быстро определил мой размер и бросил на стол гимнастерку, брюки, ремень, пилотку и новые кирзовые сапоги. Сорок третий? Так точно. Я автоматически поймал сапоги еще в воздухе. Старшина внимательно посмотрел на меня. Реакция хорошая. Спортсом занимался. Он удовлетворенно кивнул и уже переключился на следующего призывника. Если бы он только знал, сколько лет я тренировался ловить не сапоги, а брошенную гранату. Переодевались мы в просторном помещении, где стоял постоянный шум. Кто-то ругался, не сумев натянуть сапоги, кто-то пытался обменяться ремнем, другой смеялся над приятелем, который в новой форме выглядел как школьник, переодетый во взрослого. Я же спокойно складывал гражданскую одежду. Все движения были привычными и экономными: сначала аккуратно застегнуть гимнастерку, затем подогнать ремень, проверить карманы, убедиться, что ничего не забыто. Парень, переодевавшийся рядом, с интересом наблюдал за мной. Слушай, а ты точно первый раз в армии? Конечно. Просто такое чувство, будто ты уже служил. Я спокойно пожал плечами. Отец был военным. Кое-чему научил. Ответ его устроил, и он больше ничего не спрашивал. К вечеру нас посадили в поезд. Сквозь открытые окна доносились голоса провожающих. На перроне плакали матери, девушки держались за руки своих парней, кто-то пытался шутить, скрывая тревогу. Для большинства из этих ребят сегодняшний день навсегда разделил жизнь на две части до армии и после нее. Поезд медленно тронулся. Женщина средних лет долго бежала рядом с вагоном, не переставая махать сыну рукой. Старушка сняла платок и перекрестила уходящий состав. Постепенно перрон исчез за поворотом, разговоры стихли, и в вагоне повисла непривычная тишина. Я прислонился к окну и посмотрел на уходящие назад поля. Где-то далеко впереди уже поднимались каменистые горы Афга-

нистана. В прошлой жизни я возвращался туда добровольно, уже опытным офицером. Теперь судьба снова вела меня на ту же войну, только значительно раньше. На этот раз я знал, что меня ждет. Знал, кого можно спасти. И впервые за долгое время почувствовал, что, возможно, получил второй шанс не просто прожить еще одну жизнь, а изменить судьбы многих людей.

Глава 2

Перед рассветом поезд остановился на какой-то небольшой станции. Название промелькнуло за окном и тут же исчезло в темноте. В вагон вошел дежурный по эшелону, громко стукнул по стенке ладонью и приказал подниматься. Полусонные призывники нехотя сползали с верхних полок, кто-то сразу бросился к окну, надеясь купить у местных жителей пирожки или вареную картошку. Перрон быстро наполнился женщинами с корзинами, запахом горячего хлеба и кипяченого молока. Я не спешил выходить. Вместо этого наблюдал за ребятами. За годы службы я научился оценивать людей за несколько минут. Высокий русоволосый парень из соседнего купе постоянно оглядывался по сторонам и пытался всем помочь будущий надежный товарищ, но слишком доверчивый. Худощавый черноволосый парень, наоборот, внимательно следил за всеми и почти не разговаривал. Такие редко открываются сразу, зато в бою способны удивить хладнокровием. Еще один, крепкий деревенский парень с огромными ладонями, с первой минуты пытался командовать окружающими, хотя никто его об этом не просил. Этот наверняка станет неформальным лидером, если вовремя не поставить его на место. Воронов, чего сидишь? Пошли, пирожки горячие! крикнул мне сосед. Сейчас. Я вышел на платформу, купил несколько пирожков с картошкой и бутылку лимонада. Деньги у Алексея в кармане еще оставались, хотя и немного. Пока ел, заметил невысокого капитана, который медленно шел вдоль состава, внимательно рассматривая каждого призывника. Он не вмешивался в разговоры, не делал замечаний, но взгляд у него был цепкий, профессиональный. «Особый отдел или военная разведка округа», машинально отметил я. Таких офицеров я узнавал сразу. Они всегда смотрели не на лица, а на поведение. Наши взгляды встретились всего на секунду. Капитан едва заметно кивнул и пошел дальше. «Запомнил меня, подумал я. Не очень хорошо.» Через несколько минут эшелон снова тронулся. За окнами поплыли бескрайние степи. Солнце быстро поднималось над горизонтом, раскаляя металлические стены вагона. Разговоры постепенно оживились. Как думаете, куда нас? Говорят, в учебку. А потом? Кто его знает. Лишь бы не Афган. Последние слова прозвучали почти шепотом. Сразу наступила тишина. Каждый слышал о той войне. Газеты писали о выполнении интернационального долга, по телевидению показывали улыбающихся солдат, строящиеся школы и больницы. Но почти в каждой области уже были семьи, получившие цинковый гроб. Об этом говорили только на кухнях, вполголоса. Да не возьмут нас туда, попытался пошутить кто-то. Мы же зеленые совсем. Я отвернулся к окну. «Возьмут. Еще как возьмут.» Через двое суток поезд прибыл в один из учебных полков Туркестанского военного округа. Жара ударила сразу, словно кто-то открыл дверцу огромной печи. Воздух был сухим, горячим, непривычным после средней полосы России. На перроне нас уже ждали офицеры и сержанты. Построились по три! Команды посыпались одна за другой. Быстрее! Не спать! Чемоданы в руки! Молодой сержант с сержантскими лычками бегал вдоль строя, стараясь казаться страшнее, чем был на самом деле. Я невольно улыбнулся. Любый опытный офицер сразу видел, что сержант недавно сам был срочником. Кричал громко, но голос иногда срывался, а взгляд выдавал неуверенность. Он остановился напротив меня. Чего улыбаешься, боец? Хорошее настроение, товарищ сержант. Здесь быстро пройдет. Возможно. Ответ ему не понравился. Самый умный? Никак нет. Сержант хотел сказать что-то еще, но рядом появился капитан. Что происходит? Да вот... улыбается. Капитан посмотрел на меня внимательно. Фамилия? Воронов. Документы. Я протянул военный билет призывника. Капитан пролистал его, потом снова посмотрел мне прямо в глаза. Образование? Два курса института. Спортом занимался? Немного. Каким? Самбо. Стрельба. Он задумчиво кивнул. Вижу. Документы вернулись мне в руки. Ладно. В строй. Когда капитан отошел, сер-

жант уже не пытался меня воспитывать. Я проводил офицера взглядом «Нет, это не строевой командир. Слишком внимательно наблюдает. Запоминает мелочи. Похоже, разведчик. Или кадровик, который отбирает людей.» И почему-то мне показалось, что мы еще обязательно встретимся. Именно эта встреча может определить всю мою дальнейшую службу. К вечеру колонна грузовиков остановилась перед высокими бетонными воротами учебного полка. Над контрольно-пропускным пунктом красовалась выцветшая надпись: «Добро пожаловать, молодое пополнение!» Ниже на красном щите золотыми буквами был выведен лозунг: «Тяжело в учении легко в бою». Я невольно усмехнулся. Суворов был прав во все времена, только многие командиры вспоминали первую часть этой фразы и забывали вторую. Во внутреннем дворе уже суетились сержанты. Машины еще не успели остановиться, а команды сыпались одна за другой. По одному из кузова! Быстрее! Вещмешки не забывать! Построились! Новобранцы прыгивали на землю кто как мог. Один неудачно подвернул ногу и тут же стал прихрамывать. Другой уронил вещмешок прямо в пыль. Сержант подлетел к нему, схватил за ворот гимнастерки и рывкнул так, что тот побледнел. Я наблюдал молча. В мои годы за подобное обращение с личным составом командир получил бы серьезный разговор, а тогда это считалось нормой. Молодых сразу ломали, заставляя забыть гражданские привычки. Нас построили в три шеренги. Перед строем появился подполковник с загорелым лицом и седыми висками. На груди поблескивали орден Красной Звезды и две медали «За боевые заслуги». Это был человек, который действительно воевал. Товарищи солдаты! С сегодняшнего дня вы военнослужащие Советской армии. Через четыре месяца часть из вас отправится в войска на территории Советского Союза, часть — в группы войск за границей. Куда попадет каждый из вас, зависит только от вашей подготовки, дисциплины и здоровья. Запомните: здесь вас научат всему, что должен знать солдат. Кто не хочет учиться того жизнь научит. Только цена будет гораздо выше. Он говорил спокойно, без крика, но каждое слово доходило до людей лучше любого окрика. Я мысленно отметил, что перед нами настоящий командир. После короткого митинга нас повели в казармы. В длинном помещении стояли двухъярусные кровати, аккуратно застеленные одинаковыми серыми одеялами. У каждой тумбочки белой краской был выведен номер. Запах свежей краски смешивался с запахом сапожной ваксы и хлорки. На каждую койку по одному! приказал старшина. Я занял место у окна. Отсюда просматривался весь проход, а привычка контролировать пространство за годы службы стала второй натурой. Можно? спросил худощавый парень, ставя вещмешок рядом. Конечно. Сергей Климов, из Новосибирска. Алексей Воронов. Он улыбнулся. Хорошо, что соседи нормальные. А то у нас в вагоне один такой попался, всю дорогу рассказывал, как через месяц сержантом станет. Таких жизнь быстро исправляет. Думаешь? Уверен. Климов рассмеялся, решив, что это удачная шутка. Я же говорил совершенно серьезно. Через полчаса в казарму вошел невысокий старшина с густыми усами. Сейчас получите оружие. Пока учебное. Настоящее увидите после принятия присяги. Но обращаться с автоматом будете так, словно он боевой. За потерю любой детали будете отвечать по всей строгости. Эти слова многие пропустили мимо ушей. Для них автомат был просто предметом. Для меня же оружие всегда оставалось живым инструментом, который не прощает легкомыслия. Когда начали раздавать учебные автоматы АКМ, я получил свой и машинально проверил его состояние. Откинул крышку ствольной коробки, осмотрел затворную раму, возвратный механизм, заглянул в канал ствола. На все ушло меньше десяти секунд. Отставить! раздался голос старшины. Я поднял голову. Кто разрешил разбирать оружие? Проверяю комплектность, товарищ старшина. Тот подошел ближе. Первый день в армии, а уже проверяешь? Привычка. Какая еще привычка? Я понял, что сказал лишнее. В стрелковом кружке учили сначала проверять оружие. Старшина подозрительно посмотрел на меня, но ничего не ответил. В этот момент из кабинета вышел тот самый капитан, которого я уже видел на станции. Что случилось? Да вот, товарищ капитан, новобранец автомат быстрее меня разбирает. Капитан внимательно посмотрел сначала на автомат, потом на мои руки. Фамилия? Воронов. Запомнил. Он произнес это

спокойно и ушел дальше. Старшина только покачал головой. Ну, Воронов, не знаю, хорошо это для тебя или плохо. Я тоже не знал. Слишком рано привлекать внимание было опасно. Но и притворяться полным неумехой опыт не позволял. Иногда тело действовало быстрее, чем я успевал себя остановить. Вечером, когда объявили отбой, казарма еще долго не засыпала. Кто-то вспоминал дом, кто-то рассказывал армейские байки, услышанные от старших братьев, кто-то тихо ругался на жесткие матрасы. Я лежал, глядя в потолок, и мысленно составлял план. Главная задача не попасть в число бездумных героев. Вторая сохранить людей, которые окажутся рядом. Третья понять, почему судьба вообще дала мне этот шанс. Я еще не знал, что уже завтра один случай на полосе препятствий снова заставит капитана обратить на меня внимание, а через несколько недель именно он предложит перевести меня в разведывательное подразделение, с которого начнется совсем другая служба.

Глава 3

Перед самым подъемом казарму разорвал резкий звонок. Через секунду распахнулась дверь, и по проходу пронесся дежурный. Рота, подъем! Сотня человек одновременно вскочила с коек. Кто-то еще пытался натянуть сапоги, стоя на одной ноге, кто-то лихорадочно искал ремень, а несколько человек никак не могли понять, где их гимнастерки. Для меня же утренний подъем давно превратился в рефлекс. Пока остальные окончательно просыпались, я уже застегнул форму, заправил кровать и стоял возле тумбочки. Сержант, проходивший между рядами, остановился возле меня. Воронов. Я. Уже готов? Так точно. Он молча осмотрел идеально заправленную кровать, затем перевел взгляд на соседние, где одеяла больше напоминали скомканные мешки. Всем смотреть, как должна быть заправлена койка! А вы... он ткнул пальцем в остальных, переделывать, пока не получится. На меня сразу посыпались недовольные взгляды. «Вот этого я и боялся, подумал я. Не надо было так стараться.» После короткой зарядки нас вывели на плац. Солнце еще только поднималось, но жара уже ощущалась. Старшина прохаживался перед строем. Сегодня проверим, кто на что способен. Кросс пять километров, затем полоса препятствий. У многих лица сразу вытянулись. Что, тяжело? усмехнулся старшина. Это еще курорт. Кросс оказался несложным. Молодой организм легко справлялся с нагрузкой, а память тела дополнял многолетний опыт. Самым трудным было не бежать слишком быстро. Несколько раз приходилось буквально заставлять себя сбавлять темп. Рядом тяжело дышал Климов. Леха... не... гони... Дыши ровнее. Через нос вдох, через рот выдох. Не дергайся. Он последовал совету и через пару минут действительно побежал легче. Спасибо... Поблагодаришь после финиша. Мы пришли в первой десятке. Для новобранцев это уже считалось хорошим результатом. Настоящее испытание началось на полосе препятствий. Высокий забор, ров с водой, лабиринт, бревно, колючая проволока, рукоход. Для большинства все это выглядело устрашающе. Первым полез крепкий парень из деревни, тот самый, который всю дорогу изображал из себя будущего командира. На заборе он сорвался и тяжело упал на спину. Следующий! Я спокойно подошел к препятствию. Главное не показывать, чему тебя учили в спецназе. Я нарочно немного замешкался, сделал вид, что примериваюсь, затем перелез через стенку без лишней суеты. Под проволокой прополз медленно, хотя прекрасно понимал, как пройти участок почти вдвое быстрее. На рукоходе тоже не стал выделяться. Однако привычка подвела меня на последнем препятствии. Нужно было прыгнуть с трехметровой вышки в яму с песком. Большинство новобранцев неуклюже падали на обе ноги, теряли равновесие и валились набок. Я же автоматически сгруппировался, приземлился на носки, ушел в кувырок через плечо и сразу поднялся на ноги. На плацу наступила тишина. Даже сержанты перестали кричать. Это кто тебя так научил? раздался спокойный голос. Я обернулся. У края полосы стоял тот самый капитан. На дзюдо ходил, товарищ капитан. Он прищурился. На дзюдо так не приземляются. Я промолчал. Капитан подошел ближе. Фамилия? Воронов. Опять ты... Он несколько секунд смотрел мне прямо в глаза. После обеда зайдешь ко мне. Есть. Когда капитан ушел, сержанты снова загалдели, но теперь они посматривали на меня уже совсем

иначе. Климов догнал меня по дороге в казарму. Слушай, чего ему от тебя надо? Не знаю. Ты точно раньше не служил? Нет. Тогда откуда все умеешь? Я пожал плечами. Иногда человек сам не знает, на что способен. Но сам прекрасно понимал, что начинаю ходить по тонкому льду. Любая мелочь могла вызвать подозрение. Девятнадцатилетний студент не должен двигаться как кадровый военный. Не должен автоматически оценивать местность, замечать слабые места в обороне лагеря и помнить десятки армейских привычек. После обеда дневальный подошел к моей койке. Воронов! Я. Товарищ капитан вызывает. Я поправил ремень и вышел из казармы. Кабинет капитана находился в штабе учебного батальона. На двери не было никакой таблички, только номер. Я постучал. Разрешите войти? Входите. Капитан сидел за столом один. Перед ним лежало мое личное дело. Он не спешил начинать разговор, внимательно изучая меня так, словно пытался прочесть мысли. Наконец он закрыл папку и неожиданно спросил: Алексей, скажи честно... кто тебя учил работать с оружием и двигаться так, как двигаются только профессиональные военные? У меня появилось неприятное чувство, что этот разговор станет первым серьезным испытанием в моей новой жизни. Капитан не сводил с меня взгляда. Он не пытался давить, не повышал голос, не стучал кулаком по столу. Просто ждал ответа. Именно так обычно работают опытные оперативники. Они знают, что тишина порой заставляет человека сказать гораздо больше, чем десяток вопросов. Я мысленно усмехнулся. «Хорошая школа. Сам когда-то так же разговаривал с агентами и кандидатами в разведку.» Ну? наконец произнес капитан. Занимался спортом. Каким? Самбо. Где? В Доме спорта при заводе. Фамилия тренера? К этому вопросу я был не готов. В памяти Алексея всплыли какие-то обрывки. Кажется... Виктор Павлович. Капитан не изменился в лице, но что-то отметил у себя в блокноте. Самбо, говоришь... А автомат ты тоже в секции самбо научился разбирать? В школе был кабинет начальной военной подготовки. Потом в институте. Любил оружие. Любил? Да. Стрелял? Несколько раз. Капитан закрыл блокнот. Врешь ты не очень хорошо. Я промолчал. Но и ловить тебя сейчас мне не на чем. Он поднялся из-за стола и подошел к окну. Знаешь, Воронов, за пятнадцать лет службы я насмотрелся на всяких. Одни изображают героев, а потом в первом же марш-броске падают без сил. Другие выглядят тихонями, а на стрельбах показывают лучший результат. Но ты... Ты какой-то странный. Он обернулся. Движения взрослого человека. Взгляд взрослого человека. Ты постоянно оцениваешь помещение, двери, окна. Когда вошел сюда, первым делом посмотрел не на меня, а на зеркало за моей спиной. Почему? «Потому что это не зеркало, а обычное стекло, за которым может сидеть наблюдатель», едва не ответил я. Вместо этого спокойно сказал: Просто осматрелся. Капитан улыбнулся. Именно это меня и настораживает. Несколько секунд он молчал. Ладно. Будем считать, что ты просто способный парень. Он открыл папку и достал несколько листов. Через неделю начнутся контрольные занятия. Лучших бойцов будут отбирать в разные подразделения. Водителей, связистов, саперов, разведчиков. При слове «разведчики» я внутренне напрягся. Советую показать себя. Есть. Но без цирка. Не надо демонстрировать все, что умеешь. Умный солдат отличается от глупого тем, что знает, когда стоит показывать свои способности, а когда лучше промолчать. Я невольно улыбнулся. «Хороший офицер.» Свободен. У двери капитан неожиданно окликнул меня. И еще... Я остановился. Если попадешь в Афганистан, забудь все фильмы про героев. Там погибают те, кто считает себя бессмертным. На этот раз улыбка исчезла сама собой. Понял, товарищ капитан. Иди.

Глава 4

Следующая неделя превратилась в бесконечную череду занятий. Строевая подготовка. Огневая. Тактика. Уставы. Политзанятия. Изучение материальной части оружия. Большинство новобранцев уставало уже к вечеру, но молодой организм Алексея переносил нагрузки легко. Гораздо сложнее было постоянно изображать обычного солдата. На стрельбах пришлось специально сделать несколько неидеальных выстрелов. Иначе инструкторы обязательно заинтересовались бы, откуда вчерашний студент стреляет почти как кадровый офицер. На занятиях

по тактике приходилось изображать сомнения там, где решение было очевидным. Когда сержант спросил: Откуда удобнее наблюдать за дорогой? Я специально указал не самую выгодную позицию. Настоящий ответ находился метров на двести левее, на скальном выступе, который позволял контролировать весь участок местности и при этом оставался практически невидимым. Но подобные знания никак не могли быть у обычного студента. Иногда приходилось буквально бороться с собой. Наступил день контрольных нормативов. Командование полка приехало почти в полном составе. На плацу появились незнакомые офицеры. Некоторые были в десантной форме. Другие носили обычные мотострелковые петлицы. Особенно мое внимание привлек невысокий подполковник с холодными серыми глазами. Он почти не разговаривал, только внимательно наблюдал за каждым солдатом. Капитан, беседовавший со мной несколько дней назад, подошел к нему и что-то тихо сказал. Подполковник перевел взгляд на меня. Всего несколько секунд. Но этого оказалось достаточно. Интуиция, не раз спасавшая мне жизнь, тихо подсказала: «Этот человек приехал не просто смотреть экзамены. Он отбирает людей.» Я еще не знал, что сегодняшней день станет началом цепочки событий, которая приведет меня совсем не туда, куда отправят большинство новобранцев. Контрольные занятия начались ранним утром. На стрельбище вывели сразу несколько рот молодого пополнения. Возле огневого рубежа уже стояли офицеры с планшетами, отмечая результаты каждого бойца. Для большинства это были обычные экзамены, но я прекрасно понимал: сейчас идет негласный отбор. Командиры искали не отличников, а людей, способных быстро принимать решения под давлением. Первым упражнением стала стрельба из автомата АКМ. Дистанция сто метров, грудная мишень, три пристрелочных и десять зачетных патронов. По местам! Мы легли на огневой рубеж. Я привычным движением проверил приклад, положение локтей и дыхание. Потом спохватился и специально изменил изготовку. Слишком правильно лежать было нельзя. Огонь! Выстрелы слились в один непрерывный грохот. Я не торопился. После каждого выстрела делал небольшую паузу, словно тщательно выцеливал мишень. Два раза даже специально дернул спуск чуть раньше, чем следовало. Когда проверили результаты, инструктор удивленно поднял брови. Девяносто четыре очка... Очень неплохо. Лучшим оказался сержант учебной роты девяносто шесть. «Значит, никто ничего не заподозрит», подумал я. Следующим испытанием было ориентирование на местности. Новобранцам раздали карты и компасы. Через сорок минут должны выйти к контрольной точке. Большинство сразу уткнулось в карту, пытаясь разобраться в условных обозначениях. Я лишь мельком взглянул на схему. Рельеф говорил гораздо больше бумаги. Небольшой овраг. Высохшее русло. Две группы деревьев. Все это складывалось в понятную картину. Однако снова пришлось себя сдерживать. Я намеренно сделал небольшой крюк, будто сомневался в маршруте, и пришел к контрольной точке третьим. Подполковник снова что-то записал в своем блокноте. Он почти не разговаривал. Только наблюдал. После обеда началось самое интересное. На учебном поле развернули небольшую тактическую задачу. Одному отделению предстояло занять оборону. Другому провести разведку и незаметно определить расположение условного противника. Командир учебной роты неожиданно объявил: Командиром разведывательной группы назначается рядовой Воронов. Я едва заметно нахмурился. Это была инициатива капитана. Он специально проверял меня. Мне выделили пятерых бойцов. Климов. Деревенский здоровяк по фамилии Гордеев. Молчаливый татарин Марат Сафин. И два парня, фамилии которых я еще плохо запомнил. Задача понятна? спросил капитан. Так точно. Выполняйте. Мы отошли метров на пятьдесят. Все смотрели на меня. Ну что, командир? спросил Гордеев. Командир... Странное чувство. Когда-то я командовал полком специального назначения. Теперь пятью перепуганными новобранцами.

Глава 5

Я быстро осмотрел местность. Обороняющееся отделение наверняка заняло высоту впереди. Это слишком очевидно. Настоящее наблюдение они организуют немного левее, в зарослях кустарника. Там хороший обзор и почти нет солнца в глаза. Но если я сразу поведу людей

именно туда, офицеры снова заинтересуются. Поэтому пришлось действовать осторожнее. Идем через овраг. Почему не прямо? удивился Гордеев. Прямо нас увидят. Это было простое объяснение, понятное каждому. Мы медленно двинулись вперед. Через несколько минут Климов тихо сказал: Кажется, никого нет. Я покачал головой. Не спеши. И в этот момент заметил едва уловимое движение. Лист на кусте дрогнул совсем не от ветра. Кто-то изменил положение. Наблюдатель. Все вниз, тихо сказал я. Парни послушно легли. Через минуту со стороны кустов прозвучал голос. Стоп! Разведгруппа обнаружила наблюдателя. Из-за кустов вышел сержант. За ним появились капитан и тот самый подполковник. Подполковник подошел ко мне почти вплотную. Почему легли? Мне показалось, что впереди кто-то есть. Показалось? Да. А почему решил идти именно оврагом? Так безопаснее. Подполковник несколько секунд смотрел мне в глаза. Интересно... Он больше ничего не сказал. Развернулся и ушел. Вечером меня снова вызвали в штаб. На этот раз в кабинете кроме капитана находился и подполковник. Он жестом предложил мне сесть. Алексей, начал он спокойно, мы внимательно наблюдаем за тобой уже несколько дней. Я молчал. Ты не лучший стрелок. Не самый быстрый. Не самый сильный. Но каждый раз принимаешь единственно правильное решение. Случайностью это быть не может. Он сделал паузу. Ответь честно. Ты действительно всего лишь студент второго курса института? В кабинете повисла тишина. Я понимал, что от следующего ответа зависит очень многое. Возможно, вся моя дальнейшая судьба. Несколько секунд в кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как за окном стрекочут цикады. Подполковник не торопил меня. Капитан тоже молчал, внимательно наблюдая за моей реакцией. Оба были опытными офицерами и прекрасно знали: если человек начинает лихорадочно искать ответ, значит, ему есть что скрывать. Я посмотрел на подполковника. Товарищ подполковник, я действительно студент машиностроительного института. Два курса закончил. До армии никогда не служил. Это была правда. По крайней мере, правда для документов. Тогда объясни, почему ты ведешь себя не как девятнадцатилетний парень. Не понимаю вопроса. Подполковник слегка улыбнулся. Понимаешь. Когда человек входит в незнакомое помещение, он обычно смотрит на собеседника. Ты сначала осматриваешь окна, двери и только потом человека. Когда садишься, никогда не поворачиваешься спиной к выходу. На занятиях постоянно наблюдаешь не только за инструктором, но и за окружающей обстановкой. Во время марш-броска ты ни разу не сбился с дыхания, а на полосе препятствий двигался так, словно делал это сотни раз. Он открыл папку с моим личным делом. Здесь написано: «Студент. Холост. Судимостей нет. Спортивные разряды отсутствуют». И знаешь, чему я удивляюсь? Чему? Что это личное дело совсем не похоже на человека, который сейчас сидит передо мной. Я пожал плечами. Может быть, просто повзрослел. Подполковник неожиданно рассмеялся. Хороший ответ. Он закрыл папку и откинулся на спинку стула. Ладно, не будем играть в следователей. Каждый человек имеет право на свои секреты, если они не вредят государству. После этих слов напряжение немного спало. Капитан, покажите результаты. Капитан положил перед подполковником несколько листов. Стрельба отлично. Тактическое мышление отлично. Ориентирование отлично. Физическая подготовка выше средней. Дисциплина без замечаний. Подполковник внимательно просмотрел бумаги. Есть одна проблема. Я насторожился. Какая? Ты слишком много думаешь. Я едва не улыбнулся. Это плохо? Для обычного солдата иногда плохо. Солдат должен сначала выполнять приказ, а уже потом размышлять. Он сделал небольшую паузу. Но для разведчика это одно из главных качеств. Вот оно. Разговор наконец вышел на настоящую тему. Скажи, Воронов, ты хотел бы служить в разведке? Вопрос прозвучал спокойно, будто речь шла о переводе в соседнюю казарму. А у меня внутри все перевернулось. Именно в разведке я прослужил почти всю жизнь. Именно туда меня снова вела судьба. Но слишком быстро соглашаться было нельзя. Не знаю, товарищ подполковник. Он внимательно посмотрел на меня. Почему? Потому что не представляю, чем именно занимается армейская разведка. Подполковник удовлетворенно кивнул. Правильный ответ. Он встал и подошел к карте Советского Союза, висевшей на стене. Многие думают, что разведчик

это человек с ножом в зубах, который ползает по тылам противника. Иногда так и бывает. Но чаще разведчик должен думать. Очень быстро думать. Ошибка сапера убивает сапера. Ошибка разведчика может уничтожить целый батальон. Он повернулся ко мне. Нам нужны именно такие люди. Я молчал. Не спеши отвечать. До окончания учебки еще почти три месяца. Мы просто будем присматриваться. Подполковник протянул мне мое личное дело. Свободен. Когда я уже взялся за ручку двери, он снова окликнул меня. Воронов. Я. И еще один совет. Слушаю. Никогда не старайся казаться глупее, чем ты есть. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Неужели он догадался? Подполковник словно прочитал мои мысли. Умные люди всегда пытаются скрыть свои способности. Но делают это одинаково. Начинают специально ошибаться. Именно поэтому их легче всего заметить. Он улыбнулся. Запомни. Если уж хочешь что-то скрыть, делай это естественно. Я молча кивнул. Выходя из кабинета, впервые за последние дни почувствовал настоящее беспокойство. Этот человек был опасен. Очень опасен. Не потому, что хотел причинить мне зло. А потому, что обладал тем редким качеством, которое отличает настоящего разведчика от обычного офицера, он замечал то, чего не видели другие. Возвращаясь в казарму, я понял, что дальше играть роль беспечного студента уже не получится. Меня начали изучать профессионалы. Любая неосторожность могла вызвать слишком много вопросов. Но одновременно я понимал и другое. Если судьба снова привела меня в разведку, значит, именно там я смогу изменить больше всего. Именно разведывательные группы первыми выходили на караванные тропы, искали базы моджахедов, сопровождали колонны, выводили подразделения из засад. Если удастся попасть туда, можно будет спасти не одного человека, а десятки. Оставалось только дожждаться своего часа и не раскрыть себя раньше времени. Следующие две недели пролетели незаметно. Учебный полк жил по жесткому распорядку. Подъем в шесть утра, зарядка, построение, занятия, стрельбы, обслуживание техники, политподготовка, вечерняя поверка и отбой. Молодые солдаты постепенно втягивались в армейскую жизнь. Исчезла неуклюжесть, появились уверенные движения, форма перестала висеть мешком, а сапоги наконец разносились и перестали натирать ноги. Я старался не выделяться. На стрельбах показывал твердый результат, но никогда не становился первым. На марш-бросках приходил в первой десятке, но не лидировал. На занятиях отвечал только тогда, когда спрашивали. Это оказалось сложнее любой разведывательной операции. Инстинкты опытного офицера постоянно требовали вмешаться, подсказать, исправить ошибку. Приходилось заставлять себя молчать.

Глава 6

Больше всего меня раздражали занятия по тактике. Молодой лейтенант, только что окончивший училище, старательно объяснял, как действовать разведывательной группе в горах. На карте все выглядело красиво. Отделение выходит на маршрут, занимает господствующую высоту, выставляет наблюдателей, организует отход. Я сидел на последней парте и мысленно спорил с каждым его словом. «Нет, лейтенант, в Афганистане никто не занимает господствующую высоту просто потому, что она выше. Сначала нужно понять, просматривается ли она с соседних склонов. Есть ли пути отхода. Можно ли скрытно подняться. Где солнце окажется через час. Откуда могут работать снайперы. Любая вершина, если она очевидна, уже пристреляна душманами.» Но вслух ничего не говорил. После занятий капитан неожиданно остановил меня. Воронов, задержись. Остальные вышли из класса. Капитан подошел к карте Афганистана, висевшей на стене. Посмотри. Я подошел. Он молча показал карандашом на район перевала Саланг. Что можешь сказать? Вопрос прозвучал как бы между прочим. Я внимательно посмотрел на карту. Крупная транспортная артерия. Еще? Если противник захочет нарушить снабжение, это одно из самых удобных мест. Капитан кивнул. Продолжай. Я понял, что он снова проверяет меня. На перевале легко организовать засаду. Почему? Ограниченное пространство для маневра. Колонны растягиваются. Если подбить первую и последнюю машину, остальные окажутся заперты. Капитан внимательно слушал. Откуда знаешь? В жур-

нале «Военные знания» читал статью про действия в горах. Это была слабая легенда, но другого объяснения у меня не было. Капитан усмехнулся. Странные журналы ты читаешь. Он свернул карту. Ладно. Свободен. Однако по его взгляду я понял, что вопросов стало еще больше. Через несколько дней в полк прибыла группа офицеров из Афганистана. Это было заметно сразу. Их форма отличалась от нашей. Выгоревшая под палящим солнцем, местами заштопанная, с ввевшейся в ткань пылью. Лица темные от загара, движения спокойные, без показной строевой выправки. Все они были награждены боевыми орденами и медалями. Новобранцы смотрели на них с любопытством. Для нас это были люди с настоящей войны. После обеда в клубе полка состоялась встреча. Высокий майор с перевязанной кистью рассказывал о службе. Не верьте тем, кто говорит, что самое страшное в Афганистане это стрельба. К стрельбе привыкаешь. Самое страшное расслабиться. Стоит один раз решить, что сегодня будет спокойно, и именно сегодня что-нибудь обязательно случится. Он рассказывал просто, без героических слов. Как проверяют дорогу саперы. Как колонны проходят опасные участки. Как ночью температура в горах резко падает. Как важно беречь воду. Наконец один из новобранцев поднял руку. Товарищ майор, а правда, что душманы всегда стреляют из-за камней? Майор улыбнулся. Если бы все было так просто... Затем он неожиданно спросил: Кто-нибудь из вас охотился? Поднялось несколько рук. Тогда запомните. Хороший охотник никогда не стреляет оттуда, где его ждут. Так и на войне. Эти слова мне понравились. Человек говорил не по учебнику. Он говорил из собственного опыта. После встречи солдаты еще долго обсуждали услышанное. Видел его ордена? Наверное, человек десять душманов положил. Говорят, у них там каждый день стреляют. Я молчал. Цифры были совсем другими. За каждой боевой наградой стояли погибшие товарищи, сорванные операции, бессонные ночи и постоянное напряжение. Поздно вечером дневальный снова подошел к моей койке. Воронов. Я. Командир батальона вызывает. Я быстро надел гимнастерку и вышел. В кабинете кроме подполковника сидел тот самый майор, недавно вернувшийся из Афганистана. Он внимательно посмотрел на меня. Это и есть тот самый студент? Подполковник кивнул. Он.

Майор жестом предложил мне присесть. Алексей, сейчас мы не будем проверять твою стрельбу или физическую подготовку. Он достал карту. Хочу посмотреть, как ты умеешь думать. Карта была незнакомой. Без названий. Без подписей. Только горный район с несколькими дорогами, кишлаком и рекой. Майор положил передо мной карандаш. Представь, что тебе приказано провести разведывательную группу через этот район и при этом избежать встречи с противником. Он сделал паузу. Покажи маршрут. Я посмотрел на карту. И сразу понял, что передо мной не учебная схема. Это был реальный участок местности. И, судя по потерностям на карте и карандашным пометкам, кто-то уже ходил по этим тропам. Возможно... совсем недавно. Вот здесь я бы немного изменил сюжет. Если герой сразу начнет блестяще решать реальные задачи по Афганистану, это будет выглядеть неправдоподобно. В 1986 году офицеры не доверили бы вчерашнему призывнику реальные карты и не стали бы проверять его на уровне профессионального разведчика. Гораздо сильнее будет постепенное развитие: сначала герой скрывает свои способности, затем случайно спасает людей на учениях, и только после этого опытные офицеры начинают понимать, что перед ними необычный солдат. Продолжение можно сделать так: Майор положил передо мной лист ватмана. Не волнуйся, это не экзамен. Обычная учебная задача. Я посмотрел на схему. Это была не карта Афганистана, а стандартная учебная местность: две высоты, перелесок, небольшой ручей и проселочная дорога. Подобные схемы использовали во всех учебных подразделениях Советской армии. Представь, что твое отделение должно скрытно выйти вот к этой высоте, майор поставил карандашом крестик. Здесь находится наблюдательный пункт условного противника. Задача обнаружить его и вернуться незамеченными. Как пойдешь? Я несколько секунд рассматривал схему. Настоящих решений здесь было несколько. Самый короткий маршрут был и самым опасным. Именно его наверняка выбрало бы большинство молодых командиров. Я провел карандашом совсем

другую линию. Через овраг. Потом вдоль ручья. И только после этого к высоте. Майор внимательно следил за каждым движением. Почему так? В овраге меньше вероятность обнаружения. Дальше. Ручей заглушает шум шагов. Майор кивнул. Еще. Если придется отходить, вода скроет следы. Подполковник переглянулся с капитаном. Майор снова посмотрел на схему. А почему не поднялся сразу на высоту справа? Слишком очевидное решение. Почему? Потому что именно там я бы и устроил засаду. В кабинете наступила тишина. Майор медленно положил карандаш. Интересно... Он достал из папки еще одну схему. Тогда еще один вопрос. На рисунке была изображена колонна грузовиков. Где наиболее вероятно нападение? Я даже не стал долго думать. Вот здесь. Карандаш остановился возле узкого участка дороги между двумя холмами. Почему? Первую машину подбить здесь. Вторую... Я осекся. Чуть не сказал лишнее. Вторую? Последнюю, спокойно закончил я. Тогда остальные окажутся между ними. Майор внимательно посмотрел мне в глаза. Откуда знаешь? Я пожал плечами. Логично. Он неожиданно улыбнулся. Действительно. Логично. Подполковник закрыл папку. Спасибо, Воронов. Можешь идти. Я вышел из кабинета, чувствуя спиной их взгляды. Когда дверь закрылась, майор некоторое время молчал. Потом негромко сказал: Что скажешь? Подполковник закурил. Либо перед нами очень талантливый парень... Он сделал глубокую затяжку. Либо человек, который слишком многое понимает для своих девятнадцати лет. Думаешь, готовить в разведку? Нет. Майор удивленно поднял глаза. Почему? Рано. Он снова посмотрел на закрытую дверь. Если парень действительно такой, каким кажется, торопиться нельзя. Пусть сначала станет хорошим солдатом. Настоящая разведка не любит спешки. Майор молча согласился.

Глава 7

Учебка закончилась неожиданно быстро. Казалось, только вчера нас привезли сюда потерянными мальчишками, а сегодня на плацу стояли солдаты, уверенно державшие строй. За четыре месяца изменились все. Исчезли длинные волосы, пропала юношеская беспечность, движения стали собранными, разговоры спокойнее. Каждый понимал, что впереди настоящая служба. В последний день нас построили на плацу. Командир полка зачитал приказ о распределении. Одних направляли в Группу советских войск в Германии, других в Забайкалье, третьих на Дальний Восток. Когда офицер дошел до нашей роты, на плацу стало необычайно тихо. Рядовой Воронов! Я! Рядовой Климов! Я! Еще тридцать две фамилии прозвучали одна за другой. Командир сделал небольшую паузу. Получить командировочные документы. Завтра в шесть ноль-ноль отправка в Туркестанский военный округ для дальнейшего прохождения службы. Никто не задал вопросов. Но все прекрасно понимали, что скрывается за этими словами. Туркестанский военный округ. Для солдат это означало только одно. Афганистан. После построения в казарме стало непривычно тихо. Климов сел на свою койку и долго смотрел в пол. Значит... все-таки туда... Никто не ответил. Гордеев молча достал фотографию родителей. Марат Сафин сел возле окна и что-то тихо шептал по-татарски. Каждый переживал эту новость по-своему. Только у меня внутри не было страха. Было другое чувство. Я возвращался. Через два дня наш эшелон прибыл в Термез. Последний советский город перед Афганистаном. Здесь все уже напоминало войну. На станции стояли платформы с танками Т-62, БМП и бронетранспортерами. Повсюду сновали солдаты в выгоревшей полевой форме. Вертолеты Ми-8 один за другим уходили на юг. В воздухе стоял запах раскаленного металла, дизельного топлива и пыли. Жара казалась невероятной. Даже в тени было далеко за сорок градусов. Молодые солдаты постоянно тянулись к флягам. Старший колонны сразу предупредил: Воду экономить. Пить маленькими глотками. Иначе через час снова захотите пить. Я усмехнулся. Правильно. Этому нас в учебке почему-то не учили. Вечером нас привели на берег Амударьи. Широкая река спокойно несла мутную желтую воду. На противоположном берегу уже начинался Афганистан. Несколько солдат молча смотрели через реку. И это все? тихо спросил кто-то. Что? Вот она... война... Я тоже смотрел на противоположный берег. Сколько раз я пересекал эту реку в своей прошлой жизни? Уже не сосчитать. Но сейчас все ощущалось иначе. Тогда я был

опытным офицером. Теперь обычным девятнадцатилетним рядовым. Утром колонна двинулась к знаменитому мосту через Амударью. Его официально называли мостом Дружбы. Для советских солдат он имел совсем другое значение. Это была граница между миром и войной. Наши машины медленно въехали на металлический пролет. Никто не разговаривал. Даже самые веселые новобранцы притихли. Каждый думал о своем. Я смотрел вперед. На другом берегу уже виднелись афганские пограничные посты. За ними начиналась другая страна. Другой мир. Мир, где любая куча камней могла скрывать стрелка. Где ребенок мог улыбнуться тебе утром, а вечером привести отряд моджахедов. Где дорога, по которой сегодня спокойно прошла колонна, завтра превращалась в смертельную ловушку. Колеса грузовика глухо застучали по металлическому настилу. Граница осталась позади. Над дорогой появилась табличка на русском языке. «Добро пожаловать в Демократическую Республику Афганистан». Климов нервно усмехнулся. Ну вот... приехали... Я ничего не ответил. Где-то далеко в горах уже жил человек, который через полтора года устроит засаду, в которой в моей прошлой жизни погибнет вся разведгруппа. Тогда я опоздал всего на несколько минут. Теперь у меня был второй шанс. И я не собирался его упускать. Колонна набирала скорость, уходя в глубь чужой страны. Никто из молодых солдат еще не понимал, что для большинства из них вчерашняя жизнь закончилась навсегда. Впереди были раскаленные горные дороги, бессонные ночи, первые потери, первая кровь и первая настоящая проверка на мужество. А для меня начиналась война, которую я уже однажды прошел. Только теперь я собирался изменить ее настолько, насколько это вообще было возможно. Жара стояла такая, что раскаленный металл кузова обжигал даже через гимнастерку. Мы сидели в кузове «Урала», прижавшись друг к другу. На каждом полный боекомплект: автомат, подсумки с магазинами, гранаты, каска, вещмешок. Пот заливал глаза, гимнастерка давно промокла насквозь, а пыль въелась в лицо так, словно я прожил здесь не один месяц. Колонна медленно ползла по серпантину. Справа уходила вверх каменная стена, слева обрыв, на дне которого серебрилась узкая горная речка. Через щель в брезентовом тенте я видел лишь задний борт впереди идущего «Урала» да бесконечную ленту пыльной дороги. Начинало смеркаться. Сколько нам еще ехать, никто не знал. Молодые солдаты переговаривались вполголоса, кто-то нервно курил, кто-то без конца поправлял автомат. Я же закрыл глаза. Нужно спать. Любая возможность поспать на войне подарок. Этому меня научили еще много лет назад. Я прислонился спиной к борту и почти сразу провалился в легкую дремоту. Внутри же все кипело. «Спасибо...» Не знаю кому. Богу. Судьбе. Случаю. Спасибо за второй шанс. Я снова молод. Сильное тело. Здоровые суставы. Отличное зрение. Быстрая реакция. И самое главное память никуда не исчезла. Все, чему меня учили десятилетиями, осталось со мной. Хорошо ли я прожил свою первую жизнь? Не знаю. Наверное, честно. Но прожил бы ее так же еще раз? Нет. Теперь я слишком хорошо знаю цену каждому своему решению. Знаю лица тех, кто погибнет. Знаю ошибки, которых можно избежать. И знаю, куда нас сейчас везут. Кандагар. Одно из самых кровавых мест этой войны. Мысли оборвал резкий свист. Не выстрел. Именно свист. Так свистит пуля крупного калибра, когда проходит совсем рядом. Следующая очередь буквально разорвала брезент над головой. Засада!! Машина резко затормозила. Еще до того как, остальные успели понять, что происходит, я уже выпрыгнул наружу. Инстинкт оказался быстрее мысли. Я перекатился по камням и сразу поднял голову. Колонна остановилась. Первые машины уже горели. Сверху, с правого склона, длинными очередями бил крупнокалиберный пулемет. Каждая очередь прошивала грузовики насквозь. Через несколько секунд ухнул миномет. Снаряд разорвался где-то в середине колонны. Люди метались, не понимая, откуда стреляют. Офицеры пытались организовать оборону. Но противника никто не видел. Все смотрели вверх. Я увидел. Маленькая темная точка почти у самого гребня. Очень удачная позиция. Простреливала всю дорогу. «Грамотно...» Я мгновенно сбросил вещмешок, каску и все лишнее. Оставил только автомат, магазины и две гранаты. Стоять! Солдат! Кто-то кричал мне вслед. Но вой пулемета заглушал команды. Я уже бежал. Сначала вдоль колонны, пря-

чась за машинами. Потом резко свернул вправо и бросился к почти отвесному склону. Камни осыпались под ногами. Через пятьдесят метров дыхание стало тяжелее. Через сто организм вошел в привычный ритм. «Не гони...» Опыт всегда сильнее молодости. Главное сохранить силы. Впереди подъем. Я шел короткими рывками. Уступ. Прыжок. Подтянуться. Еще уступ. Снова вверх. Пулемет грохотал почти без остановки. Миномет продолжал методично бросать мины в колонну. Каждый раз после разрыва снизу доносились крики. Я старался не смотреть вниз. Сейчас помочь можно было только одним способом. Заставить замолчать тех, кто стрелял. Поднявшись метров на триста, я остановился. Присел. Осмотрелся. Пулемет теперь звучал совсем рядом. Но вдруг слева снова бухнул миномет. Я осторожно выглянул из-за камней. Есть. Вторая позиция. Трое. Один принимает координаты по радиостанции. Второй подает мины. Третий работает наводчиком. Чуть выше лежит корректировщик с биноклем. Именно он направляет огонь. «С него и начнем.» Я пополз. Медленно. Камень за камнем. Они были настолько уверены в своей безопасности, что никто даже не смотрел назад. До корректировщика оставалось меньше тридцати метров. Я перевел автомат на одиночный огонь. Ждать... Миномет выстрелил. В этот же миг нажал на спуск. Мой выстрел полностью растворился в грохоте миномета. Корректировщик даже не понял, что произошло. Он только вздрогнул и медленно опустился на камни, так и не выпустив из рук бинокль. Не теряя ни секунды, я бросился вперед. Наводчик уже понял, что что-то случилось. Он начал поворачиваться. Поздно. Два одиночных. Первый упал возле плиты. Второй так и остался стоять на коленях, медленно заваливаясь вперед. Радист схватился за автомат. Но сделать ничего не успел. Еще один короткий выстрел. Минометная позиция замолчала. Я сразу сменил место. Останавливаться нельзя. Если рядом есть еще наблюдатели, они уже поняли, что происходит. Теперь пулемет. Подъем оказался гораздо круче. Камни сыпались из под ног. Пару раз пришлось буквально цепляться пальцами за трещины в скале. Наконец я осторожно выглянул. Трое. Пулеметчик. Второй меняет ленту. Третий сидит чуть в стороне с автоматом. И... курит. Я невольно усмехнулся. Курение действительно убивает... Тихо прошептал я. Первым упал именно курильщик. Он даже не успел поднять голову. Следующими двумя выстрелами я снял пулеметчика и его помощника. Крупнокалиберный пулемет наконец замолчал. Только теперь я позволил себе перевести дыхание. Адреналин медленно отпускал. Я осторожно выглянул вниз. И сердце болезненно сжалось. Внизу уже не было стройной колонны. По дороге беспорядочно стояли разбитые и горящие машины. Над несколькими грузовиками поднимался густой черный дым. Между ними лежали убитые и раненые солдаты, санитары пытались вытащить людей из искореженных кабин, а офицеры собирали тех, кто еще мог держать оружие. Я все-таки опоздал. Пусть всего на несколько минут. Но война уже успела взять свою первую плату.

Глава 8

Внутри жгло чувство тяжелой утраты. Я стоял на каменном уступе и смотрел вниз, на разбитую колонну. Еще вчера мы вместе проходили учебку. Вместе бегали марш-броски, чистили автоматы, получали наряды, смеялись над армейскими байками. Климов, Гордеев, Марат... Я не знал, кто из них жив, а кто навсегда остался лежать на этой дороге. Война настигла всех. Никто не смог уйти от своей судьбы. Я стиснул зубы. Мог ли я бежать быстрее? Мог. Мог ли открыть огонь раньше? Тоже мог. Тогда, возможно, миномет успел бы сделать не пять выстрелов, а три. Пулемет не успел бы расстрелять несколько машин. Возможно... Но на войне слово «возможно» ничего не стоит. Я слишком хорошо это знал. В этот момент над ущельем раздался знакомый рокот. Сначала едва различимый. Потом все громче. Вертолет. Я машинально поднял голову. Из-за хребта показался Ми-24. Боевой «Крокодил» шел низко над скалами, осторожно осматривая ущелье. Кабина блеснула на солнце, машина развернулась и пошла прямо ко мне. «Только бы не приняли за душмана...» Я вскочил во весь рост. Автомат поднял стволом вверх, чтобы сразу было видно советский АКМ. Размахивая оружием над головой, закричал: Свой! Свой! Но мой голос тонул в реве турбин. Вертолет сделал широкий круг. На мгновение

мне показалось, что сейчас он уйдет. Затем машина резко развернулась и зависла в нескольких метрах от склона. Из открытой двери на меня смотрел ствол крупнокалиберного пулемета. Стрелок не спускал с меня глаз. Он был готов открыть огонь в любую секунду. Из кабины высунулся борттехник и махнул рукой. Я понял. Прыжок. Еще один. Пальцы намертво вцепились в веревочную лестницу. Вертолет даже не стал садиться. Меня сразу потащило вверх. Ноги несколько раз ударились о камни, потом склон резко ушел вниз. Через несколько секунд сильные руки втащили меня внутрь. Я рухнул на металлический пол, тяжело дыша. Кто-то захлопнул дверь. Машина тут же накренилась и ушла в сторону гор. Никто не произнес ни слова. Я поднял голову. Напротив сидели четверо бойцов. Все в песчаном камуфляже без знаков различия. Разгрузочные жилеты. АКС-74 с подствольниками. На лицах ни одной эмоции. Только спокойные, внимательные глаза. Я сразу понял. Разведка. Или спецназ. Один из бойцов внимательно осмотрел меня с ног до головы. Потом коротко спросил: Разведка? Я молча посмотрел ему в глаза. Он повторил вопрос: Разведчик? Я промолчал. Не потому, что хотел что-то скрыть. Просто любой неправильный ответ сейчас мог породить десятки ненужных вопросов. Боец усмехнулся. Ясно... И больше ничего не спросил. Остальные тоже молчали. В этой тишине было что-то странное. Так молчат люди, которые слишком долго живут на войне. Им не нужны лишние слова. Вертолет шел вдоль ущелья еще минут двадцать, затем резко взял курс на юг. Я ожидал, что пилоты вернутся к колонне за ранеными. Не вернулись. Значит, туда уже шли другие машины. Или приказ был совсем другим. Наконец под нами показался аэродром. Несколько транспортных вертолетов. Пара штурмовиков. Ряды палаток. По периметру бронетехника. Ми-24 мягко коснулся земли. Едва винты начали останавливаться, ко мне подошел тот самый боец. За мной. Мы молча прошли через стоянку, затем через несколько блокпостов и остановились возле невысокого глинобитного здания. На двери висела простая табличка: «Штаб». Меня провели внутрь. За столом сидел капитан лет тридцати пяти. Загорелый. Худощавый. На груди два ордена Красной Звезды. Он даже не поднял головы, продолжая читать какие-то документы. Привезли? Так точно. Капитан поднял глаза. Несколько секунд внимательно рассматривал меня. Потом неожиданно спросил: Разведка? Я снова промолчал. Капитан слегка улыбнулся. Интересно... Он закрыл папку. Тогда ответь на другой вопрос. Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза. Кто ты такой, рядовой Воронов? Я молча смотрел на капитана. Он выдержал паузу и вдруг улыбнулся уголком губ. Не хочешь отвечать? Не знаю, что ответить, товарищ капитан. Это уже честнее. Он достал из пачки сигарету, закурил и кивнул на стул. Садись. Я сел, не сводя с него глаз. Капитан несколько секунд выпускал дым, потом открыл лежавшую перед ним папку. Знаешь, почему ты здесь? Нет. Тогда расскажу. Он перевернул несколько листов. Сегодня в семнадцать сорок три колонна сто семьдесят второго мотострелкового полка попала в засаду. Работал крупнокалиберный пулемет ДШК и восьмидесяти двухмиллиметровый миномет. Засада была организована грамотно. Сначала подбили головную машину, потом замыкающую. Колонна оказалась заперта в ущелье. Он посмотрел на меня. Через несколько минут огонь миномета прекратился. Я промолчал. Затем замолчал пулемет. Снова молчание. Когда наши вертолеты подошли к месту боя, обе огневые точки были уничтожены. Возле миномета обнаружены трое убитых. Возле ДШК еще трое. Он закрыл папку. По докладам экипажа вертолета, других наших военнослужащих на склоне не было. Капитан затушил сигарету. Значит, все это сделал ты. Я ничего не ответил. Это не вопрос, Воронов. Он внимательно изучал мое лицо. Это факт. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Кто тебя этому учил? Никто. Не верю. Ваше право. Капитан усмехнулся. Хорошо держишься. Он встал и подошел к окну. За окном садилось солнце. Раскаленный воздух дрожал над бетонкой, где техники готовили к вылету очередной Ми-8. Знаешь, сколько здесь живут молодые солдаты, которые считают себя героями? Нет. Иногда неделю. Он обернулся. Иногда один бой. Капитан снова сел за стол. Ты сегодня спас колонну. Я хотел возразить, но он поднял ладонь. Не перебивай. Есть. Если бы миномет продолжал работать еще хотя бы пять минут,

потери были бы раза в два больше. Это уже посчитали. У меня внутри снова кольнуло. «Все равно опоздал...» Будто угадав мои мысли, капитан тихо произнес: Ты винишь себя. Я поднял голову. Да. Напрасно. Почему? Потому что человек не может изменить прошлое. «Если бы ты знал...» Я едва заметно усмехнулся. Капитан заметил это. Что смешного? Ничего. Он внимательно посмотрел на меня. Нет, Воронов. Не "ничего". У тебя лицо человека, который уже много раз видел смерть. По спине пробежал холодок. Капитан продолжил: Я служу здесь шестой год. Вижу молодых солдат каждый день. Они боятся. Иногда скрывают страх. Иногда не скрывают. Но после первого боя у всех одинаковые глаза. А у тебя... Он сделал паузу. У тебя глаза старого фронтовика. В кабинете повисла тишина. Я понимал, что любой ответ сейчас будет ошибкой. Поэтому просто молчал. Капитан неожиданно рассмеялся. Ладно. Не хочешь говорить не надо. Он нажал кнопку селектора. Пригласите майора Соколова. Через несколько минут дверь открылась. В кабинет вошел высокий офицер лет сорока. Загорелый до черноты. На груди орден Красного Знамени, две Красные Звезды и медаль «За отвагу». Майор бросил взгляд на меня. Потом на капитана. Это он? Он. Тот самый? Да. Майор медленно подошел ко мне. Не спеша обошел вокруг. Остановился. Встать. Я поднялся. Руки покажи. Я протянул ладони. Он внимательно осмотрел их. Провел пальцем по мозолям. Кивнул. Автомат держишь давно. Я промолчал. Майор неожиданно спросил: Сколько магазинов израсходовал? Один. Он удивленно поднял брови. Всего один? 8 патронов. Теперь удивился даже капитан. Помнишь? Да. Майор переглянулся с капитаном. Профессиональная привычка... Он сказал это почти шепотом. Потом повернулся ко мне. Завтра утром поедешь не в мотострелковый полк. Я впервые за весь разговор поднял глаза. А куда? Майор улыбнулся. Пока не знаю. Но в обычной роте тебе делать нечего. Он посмотрел прямо мне в глаза. Такие солдаты долго в пехоте не задерживаются. Я почувствовал, что начинается совсем другая глава моей второй жизни. Только теперь меня ждал уже не взвод вчерашних новобранцев. Меня ждали люди, которые умели воевать по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.